

Памяти В. В. Комиссар-
жевской.

Радость наша, солнышко наше свѣтлое, да неужели же это правда? Неужели же нѣтъ больше тебѣ?

Больше нѣтъ Комиссаржевской...

Хрупкая, нѣжная, съ такою могучей любовью, съ такою страшной силой страданія, пришла ты къ намъ, и мы такъ любили тебѣ, и тянулись къ тебѣ, какъ цвѣты къ солнцу, и рѣбѣстъ съ тобою плакали, радовались, прибѣжалъ на ту высоту, на которой горѣлъ твой огонь...

То, что я пишу, такъ блѣдно, такъ несвѣтло: вѣдь, все это слова, а сейчасъ хочется... даже не плакать; плакать можно будетъ потомъ, когда пройдетъ первый ужасъ отъ этого удара.

Нѣтъ Вѣры Федоровны Комиссаржевской...

Какъ всякий очень крупный талантъ, она имѣла много друзей, и многіе—хотя и огромное меньшинство—не чувствовали на себѣ всей власти ея души.

Сейчастъ я говорю только съ друзьями Вѣры Федоровны, только съ тѣми, для кого спектакли съ ея участіемъ были великимъ праздникомъ.

Вѣсть много, родныхъ этому исключительному таланту, я помню ваши лица, когда вы восторженно рукоплескали Комиссаржевской, когда, по окончаніи спектакля, вы спѣшили къ рампѣ, чтобы еще и еще разъ поблагодарить дорогую артистку.

Нѣтъ у насъ съ вами больше Комиссаржевской.

Мы уже должны вспоминать о ней. Она уже въ прошломъ.

Давайте вспоминать.

Она пришла сразу сильная необыкновенной нѣжностью, кротостью и вдохновеніемъ.

Хрупкая и сильная до послѣдней степени. Сильная душевною силой, которая у этихъ особыхъ натуру словно прямо отъ Бога.

Такою силой обладали юные христіанская мученицы, когда могли они ити на костеръ, на растерзаніе звѣрей, на всѣ страданія и пытки, съ горящими вдохновеніемъ глазами, съ полной свѣтлою радости душою....

Вы помните этотъ первый періодъ знакомства нашего съ Комиссаржевской?

Вѣдь, въ залѣ не было равнодушныхъ; вѣдь, зрители не говорили спокойно:

— Да, вотъ это очень недурно, это хорошо, это слѣдѣ, — нѣтъ, зрители были въ плѣну, въ радостномъ, счастливомъ плѣну, и переживали то, что переживалось, я помню, на спектакляхъ Степетовой, на спектакляхъ Иванова-Бозельского, — этихъ громадныхъ и недостаточно цѣнныхъ теперь волшебниковъ сцены.

Она подходила подчасъ къ самыемъ среднимъ произведеніямъ драматурговъ, и образы, у авторовъ только приличные, наполнились такою красотой, такимъ творческимъ содержаніемъ, о которыхъ драматургъ и не снилось.

Розы въ «Боѣ бабочекъ», подростокъ въ «Юности» Гальбе, герояни «Волшебной сказки»...

А вотъ и болѣе крупные:

«Дикарка», «Безпредѣница», Марішка, Нора, Мирандолина, Дездемона...

Все это проходило черезъ душу удивительной артистки и выходило оттуда въ свѣтломъ ореолѣ. Свѣтлая, дѣтская ясность, и великое горе, которое бываетъ только тогда, когда чистую дѣтскую душу обманеть, оскорбить наша злая и грязная жизнь...

И всегда пытливо глядѣли ея огромные, лучистые глаза, подобныхъ которыхъ я не знаю. Глядѣли вдохновенно, горя чистой, красивой тревогой, стремясь проникнуть въ таинственную, на что-то напекающую, что-то обѣщающую сущность жизни.

Такъ было на сцѣнѣ, такъ было и въ жизни.

Недаромъ же, достигнувъ уже всѣго блеска своей славы, покоряющая и имѣющая возможность застѣть въ достигнутомъ, какъ дѣлаютъ почти всѣ, она вдругъ начинаетъ искать новой правды, новыхъ пріемовъ творчества, новой красоты.

Заинтересовавшаяся тѣми, кто, въ сущности, ничѣмъ не рисковалъ, потому что ничего большого и не дѣлъ искусству, она отдала этому новому свою душу, прі-

несла ему въ жертву то огромное, что было достигнуто.

Она покѣрила, и ради новой своей вѣры отреклась отъ того, отъ чего не имѣла права отрекаться,—отъ своей повторяемой сущности.

Это была ошибка, по такія ошибки кричатъ громче всіхъ заслугъ: только все приносящій въ жертву дѣлу своей души способенъ на такія ошибки—подвиги.

И затѣмъ она рѣшилась на новый подвигъ—жертву: не удовлетворясь своими новыми искашеніями, не въ силахъ вновь вернуться къ старымъ богамъ, она рѣшила уйти со сцены.

Не такъ давно мы всѣ узнали обѣ этомъ, и сейчасъ передо мною лежитъ мое письмо, котораго я не послалъ Вѣрѣ Федоровнѣ вслѣдствіе одного совсѣмъ случайного обстоятельства.

Я писалъ по поводу ея рѣшенія бросить сцену:

«Все это такъ недурно, и самыя чувства, которыя вы вызвали этимъ своимъ рѣшеніемъ во мнѣ,—они тоже сложны. Тутъ и большая, глубокая печаль: для чего вы это дѣлаете?—Тутъ и огромная радость за васъ; за вашу живую душу: такъ сдѣлать могли только вы... Теперь, когда вы рѣшили, что вамъ нужно уйти отъ сцены, отъ творчества, отъ славы, я чувствую такое волненіе, которое задерживаетъ дыханье, но въ этомъ волненіи много и радости, и гордости за васъ. Такъ было нужно, и одна вы, чистая и прекрасная, могли сдѣлать это нужное. Да будетъ... Пока вы сами не найдете нужнымъ вернуться къ намъ...»

Потомъ мы прочли, что артистка заболѣла оспой, и стало страшно: неужели это дорогое лицо, такое нѣжное, такое измѣнчивое, такое любимое, будетъ обезображенъ? Было больно отъ этой мысли.

— Господи, отврати отъ нея этотъ ужасъ...

И мы надѣялись и ждали скораго выздоровленія, потому что извѣстія были утѣшительныя.

И вотъ, сейчасъ звонокъ въ телефонъ:

— Вамъ нужно писать некрологъ, только вы не пугайтесь, хотя это и очень тяжело. Знаете о комъ? О Комиссаржевской...

И вотъ я сижу и пишу. И чувствую, что нѣтъ у меня такихъ словъ, которыми нужно говорить обѣ этой потерѣ, но къ вамъ, которые любили Комиссаржевскую, эти слова пройдутъ въ душу. Нѣтъ ей...

Ушла рано, какъ уходитъ все слишкомъ нѣжное, слишкомъ хрупкое, слишкомъ намъ дорогое и близкое.

Прощай. Мы всѣ осиротѣли, и особенно осиротѣла безъ тебѣ молодежь.

Съ ихъ молодыми душами ты была ближе всѣхъ.

СЕРГІЙ АБЛОНІОВСКІЙ.